

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

1001 ночь.

Рассказ первого календера

Тогда выступил вперед первый календер и сказал ей: "О госпожа моя, знай, что причина того, что у меня обрит подбородок и выбит глаз, вот такая: мой отец был царем, и у него был брат, и брат этот царствовал в другом городе. И совпало так, что моя мать родила меня в тот же день, как родился сын моего дяди, и прошли лета, годы и дни, и оба мы выросли. И я посещал моего дядю и жил у него многие месяцы, и сын моего дяди оказывал мне крайнее уважение и резал для меня скот и процеживал вино. И однажды мы сели пить, и когда напиток взял власть над нами, сын моего дяди сказал мне:

"О сын моего дяди, у меня к тебе большая просьба, и я хочу, чтобы ты мне не прекословил в том, что я намерен сделать". – "С любовью и охотой", – ответил я ему.

И он заручился от меня великими клятвами и в тот же час и минуту встал и, ненадолго скрывшись, возвратился, и с ним была женщина, покрытая изаром, надушенная и украшенная драгоценностями, которые стоили больших денег. И он обернулся ко мне, и сказал: "Возьми эту женщину и пойди впереди меня на такое–то кладбище (а кладбище он описал мне, и я узнал его). Пойди с ней к такой–то гробнице и жди меня там", – сказал он. И я не мог прекословить и не был властен отказать ему, так как поклялся ему. И я взял женщину и отправился и пришел к гробнице вместе с нею, и когда мы уселись, пришел сын моего дяди, и у него была чашка с водой и мешок, где был цемент и кирка. И он взял кирку и, подойдя к одной могиле, вскрыл ее и перенес камни в сторону, а потом он стал рыть киркой землю в гробнице и открыл плиту из железа величиной с маленькую дверь и поднял ее, и под ней обнаружилась сводчатая лестница.

Потом он обратился к женщине и сказал: "Перед тобой то, что ты избираешь". И женщина спустилась по этой лестнице, а он обернулся ко мне и сказал: "О сын моего дяди, доверши твою милость. Когда я спущусь, опусти падо мной дверь и насыпь на нее снова землю, как она была, и это будет завершением милости. А этот цемент, что в мешке, и воду, в чашке, замеси и вмажь камни, как раньше, вокруг могилы, чтобы никто не увидел их и не сказал: "Эту могилу открывали недавно, а внутри она старая". Я уже целый год над этим работаю, и об этом никто не знает, кроме Аллаха. Вот в чем моя просьба". Потом он воскликнул: "Не дай Аллах тосковать по тебе, о сын моего дяди!" – и спустился по лестнице.

Когда он скрылся с глаз, я опустил плиту и сделал то, что он приказал мне, и могила стала такой же, как была, а я был словно пьяный. И я возвратился во дворец моего дяди (а дядя мой был на охоте и ловле) и проспал эту ночь. А когда наступило утро, я стал размышлять о прошлой ночи и о том, что случилось с моим двоюродным братом, и раскаялся, когда раскаяние было бесполезно, что сделал это с ними и послушался его, и мне думалось, что это был сон. И я стал спрашивать о сыне моего дяди, но никто ничего не сообщил мне о нем, и я вышел на кладбище к могилам и принялся разыскивать ту гробницу, но не узнал ее. Я непрестанно кружил от гробницы к гробнице и от могилы к могиле, пока не подошла ночь, но не нашел к ней дороги. И я вернулся в замок и не ел и не пил, и мое сердце обеспокоилось о сыне моего дяди, так как я не знал, что с ним. Я огорчился великим огорчением и лег спать и провел ночь до утра в заботе, а потом я второй раз пошел на кладбище, думая о том, что я сделал с сыном моего дяди, и раскаиваясь, что послушал его. Я обошел все могилы, но не узнал ни могилы, ни гробницы, и почувствовал раскаяние. И в таком положении я оставался семь дней, так и не зная пути к гробнице, и мое беспокойство увеличивалось, так что я едва не сошел с ума.

И я нашел облегчение лишь в том, что решил уехать и вернуться к отцу. Но в тот час, когда я достиг города моего отца, поднялась у городских ворот толпа людей, и меня скрутили, и я пришел от этого в полное удивление – я ведь был сыном правителя города, а они слугами моего отца и моими прислужниками, – и меня охватил великий страх перед ними. И я сказал в душе: "Глянь–ка, что это случилось с моим отцом?" – и спросил тех, кто схватил меня, в чем причина этого, но они не дали мне ответа. А через некоторое время один из них (а он был моим слугою) сказал мне: "Твоего отца обманула судьба, и войска восстали против него, и везирь убил его и сел на его место. И мы подстерегали тебя по его приказу".

Они взяли меня, лишившегося сознания от тех вестей, которые я услышал об отце, и я предстал перед везирем.

А между мною и везирем была старая вражда, и причиною этой вражды было вот что. Я очень любил стрелять из самострела, и когда я однажды стоял на крыше моего дворца, на крышу дворца везиря вдруг спустилась птица, а везирь тоже стоял там. Я хотел ударить птицу, и вдруг пуля пролетела мимо и попала в глаз везирию и выбила его, по воле судьбы и рока, подобно тому, как говорится в одном древнем изречении:

Мы шли по тропе, назначенной нам судьбою,

Начертан кому судьбой его путь – пройдет им;

Кому суждено в одной из земель погибнуть,

Не встретит тот смерть в земле другой наверно.

И когда у везиря был выбит глаз, – продолжал календер, – он не мог ничего сказать, так как мой отец был царем города, и вот причина вражды между мной и им. И когда я встал перед ним со скрученными руками, он велел отрубить мне голову, и я спросил его: "За какой грех ты меня убиваешь?" И везирь отвечал: "Какой грех больше этого?" – и показал на свой выбитый глаз. "Я сделал это нечаянно", – сказал я, и везирь воскликнул: "Если ты сделал это нечаянно, то я сделаю это нарочно!" Потом он сказал: "Подведите его!" И меня подвели к нему, и он протянул палец к моему правому глазу и вырвал его, и с того времени я стал кривым, как вы меня видите. После этого он велел скрутить мне руки и положить меня в сундук и сказал палачу: "Возьми его, обнажи свой меч, отправляйся с ним за город и убей его. Пусть его съедят звери и птицы!" И палач вынес меня и, выйдя из города в пустыню, вынул меня из сундука, а у меня были скручены руки и скованы ноги. Палач хотел Завязать мне глаза и после того убить меня, но я горько заплакал, так что довел его до слез, и, посмотрев на него, я сказал такие стихи:

"Считал я кольчугой вас надежной в защиту мне

От вражеских стрел; но вы лишь были концами их.

А я–то рассчитывал при всякой беде на вас,

Когда не могла помочь деснице шуйца моя.

Оставьте вдали вы то, что скажут хулители,

И дайте врагам моим метать в меня стрелами.

А если не станете от них охранять меня,

Молчите, не действуйте им в пользу иль мне во вред.

И произнес:

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Не мало друзей считал для себя щитом я.

И были они, но только врагам, щитами.

И думалось мне, что меткие стрелы это.

И были они, но только во мне, стрелами".

А когда палач услышал мои стихи (а он был палачом у моего отца, и тот оказывал ему милости), он воскликнул: "О господин мой, как же мне сделать, я ведь подневольный раб!" Но потом он сказал мне: "Спасай свою жизнь и не возвращайся в эту землю, не то погибнешь сам и меня погубишь, подобно тому, как сказал поэт:

Спасай свою жизнь, когда поражен ты горем,

И плачет пусть дом о том, кто его построил.

Ты можешь найти страну для себя другую,

Но душу себе другую найти не можешь.

Дивлюсь я тому, кто в доме живет позора,

Коль земли творца в равнинах своих просторны.

По важным делам гонца посылать не стоит:

Сама лишь душа добра для себя желает.

И шея у львов крепка потому лишь стала,

Что сами они все нужное им свершают".

Я поцеловал палачу руку и не верил в спасение, и потеря глаза казалась мне ничтожной, раз я спасся от смерти. Я отправился в путь и достиг города своего дяди и сообщил ему о том, что случилось с моим отцом и со мною, когда мне вырвали глаз, и мой дядя горько заплакал и воскликнул: "Ты прибавил заботу к моей заботе и горе к моему горю: твой двоюродный брат пропал, и я уже несколько дней не знаю, что с ним случилось, и никто мне ничего не сообщает о нем". И он так заплакал, что лишился чувств, и я опечалился о нем великой печалью. Он хотел приложить к моему глазу лекарство, но увидел, что он стал пустой впадиной, и воскликнул: "О дитя мое, ты заплатил глазом, но не душой!" И я не мог смолчать о моем двоюродном брате, который был его сыном, и сообщил ему обо всем, что случилось, и мой дядя очень обрадовался тому, что я сказал, услышав весть о своем сыне. "Пойдем, покажи мне гробницу", – сказал он, а я ответил: "Клянусь Аллахом, о дядя, я не знаю, в каком она месте! Я ходил после этого несколько раз и искал ее, но не знаю, где она находится".

Потом я пошел с моим дядей на кладбище и посмотрел направо и налево и узнал гробницу. И я сильно обрадовался, и мой дядя тоже, и я вошел с ним в гробницу и, убрав землю, поднял плиту и спустился с моим дядей па пятьдесят ступенек, и когда мы достигли конца лестницы, вдруг на нас пошел дым и затемнил нам зрение, и тогда мой дядя произнес слова, говорящий которые не смутится: "Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого!" И мы пошли, и вдруг видим помещение, наполненное мукою, крупами и съестными припасами и прочим, а посреди покоя мы увидали занавеску, спущенную над ложем. И мой дядя посмотрел на ложе и увидел своего сына и женщину, спустившуюся с ним, которые лежали обнявшись, и они превратились в черный уголь, словно были брошены в ров с огнем. И, увидя это, мой дядя плюнул в лицо своему сыну и воскликнул:

"Ты заслужил это, о кабан! Таково наказание в здешней жизни, а остается наказание в жизни будущей, и оно сильнее и мучительней..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двенадцатая ночь

Когда же настала двенадцатая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что календер рассказывал женщине, а все собравшиеся, и Джафар, и халиф слушали. "Потом мой дядя ударил своего сына башмаком, продолжал календер, – (а тот лежал в виде черного угля), и я удивился его поступку и опечалился о моем двоюродном брате: как это он стал, вместе с женщиной, черным углем. И я сказал: "Ради Аллаха, о дядя, облегчи скорбь твоего сердца! Мое сердце и ум обеспокоены, и я скорблю о том, что случилось с твоим сыном, который превратился в черный уголь вместе с этой женщиной. Не довольно ли с них того, что случилось с ними, а ты еще бьешь его башмаком!"

"О сын моего брата, – отвечал мой дядя, – мой сын с самого детства был влюблен в свою сестру, и я запрещал ему быть с нею, и говорил в душе: "Они еще маленькие!" Когда же он вырос, между ними случилась мерзость, и я услышал об этом и не поверил, но все же взял и накричал на него как следует, и сказал ему: "Остерегайся таких мерзких поступков, которых никто не совершал ни до тебя, ни после тебя, а иначе мы будем опозорены и опорочены среди царей до самой смерти, и весть о нас разгласится путешественниками! Берегись совершить подобный поступок! Я разгневаюсь и убью тебя!" Потом я отделил его от сестры, и сестру отделил от него, но проклятая любила его сильной любовью, и дьявол взял над ними власть и украсил в их глазах их поступки. Увидев, что я отделил от него сестру, мой сын вырыл для себя это помещение под землей и выровнял его и перенес туда, как ты видишь, съестные припасы. И он обманул мою бдительность и, когда я был на охоте, пришел в это место, но преистинный возревновал к нему и к ней и сжег их, а наказание в будущей жизни еще сильнее и мучительней".

Он заплакал, и я заплакал вместе с ним, и он посмотрел на меня и сказал: "Ты мой сын вместо него!" И я поразмыслил немного о жизни земной и ее превратностях, и о том, как везирь убил моего отца и сел на его место и вырвал мне глаз, и о диковинных событиях, что исполнились с моим двоюродным братом, и потом я заплакал, и мой дядя заплакал вместе со мной.

Затем мы поднялись вверх и опустили плиту и насыпали землю на место и сделали могилу такой, как она была прежде, и возвратились в наше жилище. Но не успели мы усесться, как слышали звуки барабанов, труб и литавр и бряцание оружия храбрецов, и крики людей, и лязг удил, и конское ржание, и мир покрылся мраком и пылью из-под копыт коней. И наш ум смутился, и мы не знали, в чем дело, и спросили о том, что случилось, и нам сказали: "Везирь, который захватил царство твоего отца, собрал солдат и снарядил войско и нанял кочевых рабов и пришел к нам с войском, многочисленным, как пески, которого не счесть и не одолеть никому. Они ворвались в юрод внезапно, и жители не могли устоять и отдали им город". И мой дядя погиб, а я убежал в конец юрода и подумал: "Если я попаду ему в руки, он убьет меня!" И печали мои множились и возобновились, и я подумал о событиях, происшедших с моим отцом и дядей, и о том, что теперь делать, и сказал себе: "Если я появлюсь, жители города и войска моего отца меня узнают, и будет мне смерть и гибель". И я нашел спасение лишь в том, чтобы обрить усы и бороду, и, сбросив их и переменяя платье, вышел из города и направился в этот город, надеясь, что, может быть, кто-нибудь проведет меня к повелителю правоверных, наместнику господна на земле, которому я мог бы рассказать и изложить свое дело и то, что со мной случилось.

Я достиг этого города в сегодняшний вечер и остановился, недоумевая, куда идти, и вдруг вижу, стоит этот календер. И я приветствовал его и сказал ему: "Чужеземец!" Он отвечал: "И я тоже чужеземец!" И когда мы так стояли, вдруг подошел наш товарищ, вот этот третий, и

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

поздоровался с нами и сказал нам: "Чужеземец!" – и мы отвечали: "И мы тоже чужеземцы". И мы пошли, и мрак налетел на нас, и судьба привела нас к вам. Вот причина того, что я обрил бороду и усы и что мне вырвали глаз.

"Пригладь свою голову и иди", – сказала ему женщина, но календер воскликнул: "Не уйду, пока не услышу рассказ других!" И все удивились его истории, и халиф сказал Джафару: "Клянусь Аллахом, я не видел и не слышал чего-либо подобного тому, что случилось с этим календером!"